

problématique de l'économie de la langue: information, probabilité, fréquence et son influence sur les formes lexicales, grammaticales et phonologiques, coût, efficacité dans un contexte donné, innovation, affectivité, figement, changements analogiques, étouffement des formes écourtées. Puis il établit que toute unité tend à s'assimiler à son contexte et à se différencier de ses voisins dans le système.

Enfin, en parlant de la dynamique des systèmes phonologiques, il en désigne les sources de l'instabilité, démontre le besoin de la différenciation maxima, décrit le conditionnement d'une confusion économique, le transfert des traits pertinents, l'intégration phonologique et l'assymétrie des organes.

Il faut féliciter M. Martinet, excellent linguiste structuraliste et phonologue, de cet ouvrage, relativement petit par son étendue, mais grand par son importance.

Pour les détails, nous nous permettons d'ajouter quelques observations. L'assertion qu' „un élément linguistique n'a réellement de sens que dans un contexte et une situation donnés“ (p. 42) nous paraît un peu excessif. — L'auteur croit (pp. 39, 46, 59 et 76) que l'espagnol *ch* (dans *mucho*) représente deux sons (*t* + *š*); nous sommes d'un autre avis: il s'agit d'une seule consonne affriquée (non seulement d'un phonème); donc le *ch* espagnol représente une unité phonétique de même qu'une unité phonologique ce qui est le cas dans beaucoup d'autres langues: italienne, tchèque, russe, etc.). — Il nous semble que l'auteur use trop souvent de suppositions: „On peut concevoir une langue où le substantif ... se comporterait ...“ (137), „Supposons que ces 36 phonèmes ...“ (193), „... à supposer une langue où ...“ (210), „Supposons maintenant une langue ...“ (214), etc. Toutefois, on ne peut pas nier l'utilité des réflexions que l'auteur fait à propos de ces suppositions. — Nous ne croyons pas que „chaque emploi de *dinosaur* réclame le même effort que mille emplois d'*ami*“ si „l'effort mémoriel est le même pour les deux mots et que le rapport des fréquences soit de 1 à 1000“ (192).

Il faut apprécier la concision et la clarté de l'oeuvre. L'auteur documente et éclaire presque chacune de ses assertions par un ou plusieurs exemples. Quand il se sert d'un terme nouveau (qu'il juge plus propre que son équivalent traditionnel ou qu'il a dû forger pour désigner un concept nouveau), il n'oublie pas d'informer le lecteur de son sens précis.

Otto Ducháček

Otto Ducháček: **Le champ conceptuel de la beauté en français moderne.** Praha 1960, 215 стр.

Исследование системности лексики одна из актуальных задач современной лингвистики.

Анализ понятийного содержания один из путей, которые используются для вскрытия той или иной упорядоченности семантической структуры слов. Лучшие результаты в этом направлении были достигнуты скорее в плане привлечения и обработки фактического материала, чем в плане разработки теории, вскрываемой лингвистическую сущность, описанных явлений.¹

Книга Otto Ducháček'a представляет большой интерес прежде всего в связи с обработкой богатого материала, который иллюстрирует и систематизирует лексико-семантические варианты свыше трехсот французских слов, связанных с понятием красоты, начиная с XVII века.

Книга состоит из введения, двух основных частей, включающих 28 разделов, заключения, трех таблиц в приложении, указателей слов, авторов и терминологии и кратких содержания на чешском и русском языках.

¹ Ср., например, в плане исследования семантических полей J. Trier, *Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes*, Heidelberg 1931; S. Matoré, *Le vocabulaire et la société sous Louis-Philippe*, Genève—Lille 1951 и в этой связи W. Bahner, *Observații, asupra metodelor actuale de cercetas a vocabularului, Limba română X 3—4* (1961), а также работы, основанные на понятийном анализе слов по семантическим множествам, или элементарным смыслам группы Дж. Перри и А. Кента (J. W. Perry, A. Kent M. Berry, *Machine literature searching*, New York—London 1956; J. W. Perry, A. Kent, *Tools for machine literature searching*, New York—London 1958 и пока еще мало известные работы группы В. В. Иванова (А. К. Жолковский, В. В. Иванов, Н. Н. Леонтьева, Ю. С. Мартемьянов, В. Ю. Розенцвайг, Ю. К. Щеглов, *Дифференциально-семантические признаки слова*, Тезисы докладов Межвузовской конференции по применению структурных и статистических методов исследования словарного состава языка, Москва 1961).

Обработанный материал доказывает верный тезис автора о том, что ни одно из приведенных слов не относится к одному и только одному понятию красоты, что каждое из них в какой-то мере относится и к другим понятиям. Поэтому, несмотря на обьяднение в единое *понятийно-лингвистическое поле* всех слов, выражающих одно общее понятие, автор констатирует, что никаких строгих границ между словами отдельных полей установить нельзя. Слова одного такого понятийного поля могут входить и в другие поля. Это связано с комплексным значением слова, которое автор считает целесообразным определить, как реализацию совокупности его семантических компонентов (стр. 10). Среди последних выделяется один основной (*основное значение*) и различные второстепенные понятийные, эмоциональные, экспрессивные, грамматические и синтаксические компоненты.

Разаумеется, что такое определение принимается лишь в качестве интуитивной методической установки, так как теоретически не доказывается, каким образом „реализация компонентов значения“ определяет „значение“, а логически нет достаточного обоснования в определении понятия „значение“ через другие неопределяемые понятия, как „реализация“, „семантический компонент“, „основное значение“ и т. д.

Однако в рабочем порядке, хотя это не формулируется явно, автор часто выделяет *основное значение* в зависимости от понятия, которое фиксировано в слове на данном этапе. (*Beau qualifie ce qui offre une beauté parfaite ou, du moins, un haut degré de la beauté; joli, ce qui nous plait sans être d'une beauté régulière et complète.*) (Стр. 27.) С другой стороны приводятся примеры, когда в отдельных лексико-семантических вариантах слов выражается в основном другое понятие, а фиксированное либо совсем отрицается контекстом, либо остается в качестве второстепенного признака нового понятия. Так, например, слово *beau*, фиксирующее понятие „красивый“, выражает понятия: „честный“, в контексте *un beau caractère*, „достойный“ *Là, si tu veux mourir, trouve une belle mort*, понятия величины и интенсивности *une belle somme d'argent, une belle récolte; Il lui a donné une belle fille; j'ai eu une belle peur*. В аффективных контекстах *beau* может выражать понятия: „неприятный“ *Voilà une belle affaire*, „фальшивый“ *un beau prometteur, de belles promesses*, „скверный“ *Voilà, beau précepteur, votre éducation (Molière)*. В других контекстах выражаются противоположные понятия: „приятный“ *une belle apparence, il fait beau voir un pareil dévouement*, „интересный“ *un beau voyage, il ferait beau voir* и т. д. (стр. 38—40).

Нужно заметить, что выделение семантических компонентов слова проводится в основном двумя способами, без особого разграничения одного от другого:

1. Путем описания и иллюстрации лексико-семантических вариантов слова и выделения в каждом из них основного значения в зависимости от понятия, которое они выражают в данном случае и в данном контексте (см. приведенные примеры).

2. Путем обобщенного анализа понятийного содержания отдельных слов и групп слов и выделения в них различных идей (*idées, éléments notionnels*), которые субъективно расцениваются как более или менее важные и в зависимости от этого рассматриваются как основное значение. Так, в глаголах (*s'*)*embellir* (*s'*)*enjoliver* идея красоты рассматривается как основное значение, а идеи „украшать“, „делать красивым“, „целенаправленность действия“ — как второстепенные семантические компоненты. Приводятся в различные уличительные лексико-семантические варианты этих слов, но в обобщенной оценке семантических компонентов они не учитываются. В словах *beau, joli, beauté* усматривается один единственный семантический компонент „красота“ в обобщенной понятийной оценке, и при этом отбрасываются все варианты, где эти слова выражают другие понятия.

Автор подчеркивает, что второстепенные семантические компоненты могут стать основными, а основные — второстепенными в зависимости от контекста и ситуации (стр. 55, 65, 69, 111 ... 180). По этому поводу в книге есть многочисленные примеры смысловых сдвигов, где первоначальное основное значение стало второстепенным (*charmant, ravissant, adorable, divin* ...).

Однако, нужно заметить, что такой подход позволяет находить в одном и том же слове разные основные значения в зависимости от понятия, в связи с которыми оно рассматривается.² Например, в слове *brillant*, когда оно выражает понятие красоты, „блеск“ — второстепенный компонент или вовсе отсутствует (*un costume brillant, un spectacle*

² Об условности категории „основное значение“ см. В. А. Звегинцев, *Семасиология*, Москва 1957, стр. 218—224.

brillant), когда оно выражает понятие „блеск“, „красота“ — второстепенный компонент (un diadème brillant d'or et de pierreries).

Исхода из изложенного понимания семантических компонентов, автор объединяет все слова, в которых определенное понятие фигурирует либо в качестве основного, либо второстепенного семантического компонента в *элементарную семантическую структуру* которая называется *понятийным полем*.

В понятийном поле выделяется ядро и его окружение.

В ядро описанного поля красоты включаются слова beau, beauté, joli, joliment, joliesse, в которых фиксированы основные разновидности красоты: совершенная (beau) и несовершенная красота (joli). Сюда же относятся bellot, bellement s'embellir, embellir, embellissement, joliveté, joliet, s'enjoliver, enjolivement, enjolivre.

Joli и его производные проникли в поле красоты в XVII веке, занимая сразу центральное место.

В описании ядра соблюдаются семантический, исторический и этимологический принципы, но, к сожалению, нет никакой статистической шкалы частотности. Статистическая оценка таких слов, как bellot, joliesse, enjolivement, joliveté могла бы уточнить их роль в центре поля.

Окружение ядра описывается в процессе его обогащения, которое увязывается с материальным и культурным развитием, с потребностями литературного языка, влиянием эмоциональной сферы и т. д. Выделяются группы и подгруппы слов в зависимости от их общих семантических компонентов, от их специализации, от их общей первоначальной принадлежности к другому понятийному полю.

Автор устанавливает примерно 28 основных соседних понятийных полей, которые снабдили словами поле красоты по мере его развития.

Так, из смежного поля „rapt“ перешли слова ravissant, captivant из поля „magie“ — слова charmant, ensorcelant, fascinant, charme(s); merveille и т. д., из поля „pouvoir“ — magnifique, majestueux, magnificence... из поля „richesse“ — superbe, superbement, luxe, somptuosité, из поля „clarté“ — brillant, éblouissant, flambant, splendide, éclatant, éclat... из поля „perfection“ — impeccable, magistral, idéal...

Целые группы слов, пришли из полей: „séduction“, „atrait“, „amour“, „plaire“, „ce qui est beau“, „élégance“, „ornement“, „arts“, „achèvement“, „choix“ и т. д.

Автор иллюстрирует на богатом материале специализацию слов, проникших в понятийное поле, подчеркивая, что роль каждого слова обусловлена всеми остальными конкурирующими между собой словами. Последствия такой необходимой специализации выразились с одной стороны в семантической дифференциации слов, которая часто стирала и этимологическое родство, и первоначальную принадлежность к другим полям, с другой стороны — в семантическом сближении, которое привело к синонимии.

В настоящее время, например, слова из девяти различных понятийных полей входят в единую семантическую группу поля красоты: ravissant, captivant, fascinant, ensorcelant, engageant, gracieux, charmant, attrayant, attirant, séduisant, которые тесно связаны с vénusté, agrément, grâce, charme, attrait; charmes, attraits, appas, avantages; vénus, avoir du chien. Группируя слова в зависимости от их общих семантических компонентов или от предметной специализации, автор устанавливает 18 основных групп. Некоторые содержат от одной до десяти подгрупп. Во многих устанавливается синонимическая градация. Вот, например, подразделение одной группы: gentil(le), mignard, mignon, mignot, aimable; gentillesse, mignardise, mignonne, mignotise; fin, délicat; finesse, délicatesse; délicieux, délectable: harmonieux, mélodieux, doux; harmonie; avenant; plaisant; mièvre.

На периферии поля расположены такие группы, как: distingué, choisi; pittoresque, à peindre; élégance, élégant(issime), chic, pimpant, coquet, chouette, smart, pschut(eux), rupin, urf.

В таблице (стр. 188) приводится функциональное распределение слов поля в зависимости от конкретных сфер, в которых выделяется красота. Так, для описания женской красоты насчитывается 136 слов, из них 49 существительных, 40 прилагательных; для красоты языка — 82, вещей — 91, для мужской красоты — 79, одежды — 70, искусств — 61, действий — 48, зданий — 44, манер — 42, природы — 40, детей — 34 и т. д.

Предложенное автором описание понятийного поля красоты опирается из различные словари и лингвистические работы, начиная с XVII века. Систематизированный в таком виде материал и выводы автора ценны как в смысле наглядного описания распределения большой группы слов, выражающих определенное понятие, так и в качестве основания для дальнейших исследований системности лексики. В данной работе преобладает

экстралингвистический подход к анализу лексики, который, как известно, позволяет лишь группировать слова в зависимости от того, что они выражают. Однако, наглядная связь слов одного понятийного поля с другими понятийными полями, которой автор уделяет столько внимания, вскрывает необходимую гибкость семантической структуры слова, иллюстрирует отражение разнообразных понятийных связей в лексических группах и отдельных словах. Такое описание понятийно-лингвистического поля может помочь подойти к внутренним закономерностям языка, позволяющим, например, выразить в слове оттенки и понятия, которые в нем не фиксированы и пользоваться разными словами для выражения одного и того же понятия. В книге есть богатый материал для исследования избыточности контекста и сочетаемости описанных слов, которые в какой-то мере могут объяснить лингвистические ресурсы переосмысления и различного семантического наполнения слов в различных контекстах.

Что касается более широкой концепции автора о лингвистических полях (стр. 20) то в виду того, что она не нашла непосредственного отражения в обработанном материале и в виду отсутствия в ней теоретического доказательства и четких методологических установок, мы сочли более плодотворным уделять внимание той ее части — понятийному полю, которая послужила основой для конкретного описания.

Е. В. Глейбман

Annemarie Slupski: Polnisches Elementarbuch. I. Grammatik. S. 247 — 5 Tabellen. — II. Übungsbuch. S. 111. Heidelberg (Winter) 1961—1962.

Als weiterer Band der bekannten Winteredition ist ein Buch erschienen, das bescheiden als „Elementarbuch“ bezeichnet ist. Es überschreitet weit den Rahmen eines Grundhandbuches des Polnischen in seinem ersten Teil, der Grammatik, die auch den Hauptteil des ganzen Werkes bildet. Sie ist besonders für philologisch geschulte Interessenten bestimmt und nicht nur durch den Reichtum ihres Materials, sondern auch durch die Form ihrer Bearbeitung bemerkenswert. Der zweite Teil, das Übungsbuch, wird nur schwer den befriedigen, der „die Sprache praktisch erlernen will“ (Vorwort, S. 5). Dieser zweite Teil enthält drei Übungen auf 13 Seiten, Leseproben aus der polnischen Belletristik und ein Wörterbuch auf 63 Seiten. Er ist eher nur eine Anweisung, die dazu dient, dem Benutzer des Buches die Orientierung in der polnischen Sprache zu ermöglichen. Trotz des verschiedenen Wertes bilden die beiden Teile eine Einheit, ergänzen sich in manchen Punkten. Das Übungsbuch ist ohne die Grammatik nicht denkbar. Es wäre gewiß sehr verdienstvoll zu einer vorzüglichen Grammatik auch ein ebenso wertvolles Übungsbuch zu verfassen. Solange dies nicht geschieht, wird es notwendig sein, auf die unlängst erschienenen Handbücher von V. Falkenhahn und W. Zielke hinzuweisen. Diese Handbücher konnten auch in der Übersicht der bisherigen Arbeiten erwähnt werden. (V. Falkenhahn, W. Zielke: *Lehrbuch der polnischen Sprache*. I. Berlin 1953, S. 216. II. Berlin 1954, S. 234. Beide Teile sind im Jahre 1959 in einer Neuausgabe erschienen. Dieselben Autoren haben auch *Grammatik der polnischen Sprache*, Berlin 1957, herausgegeben).

Der erste Teil Slupski's Arbeit enthält eine gründliche Übersicht über die polnische Grammatik, von den einleitenden Bemerkungen über polnische Dialekte und polnische Aussprache über die Lautlehre und Formenlehre bis an die reich bearbeitete Syntax. Er ist sehr gewissenhaft und von einem vorzüglichen Kenner des Polnischen, der älteren und zeitgenössischen polnischen sprachwissenschaftlichen Literatur verfaßt. Er überragt die bisherigen deutschen Grammatiken des Polnischen. Das umfangreiche Material ist planmäßig zusammengestellt, übersichtlich eingeteilt und zusammengefügt. Angeschlossene Tafeln, eine Landkarte und ein Verzeichnis der grammatischen Termine ergänzen zweckmäßig das systematisch verfaßte Buch.

Das Hauptmerkmal und zugleich der Hauptvorzug des Buches ist sein vergleichender Charakter. Die Verfasserin hat hier an die reiche deutsche Tradition auf dem Gebiet der vergleichenden Sprachwissenschaft angeknüpft; der Vergleich der heutigen Formen mit den altpolnischen, altkirchenslawischen oder urslawischen (manchmal auch mit ähnlichen Formen aus anderen slawischen Sprachen) hat hier ein breites Bild des jetzigen Zustandes geschaffen und zugleich eine Reihe von Umwandlungen und Entwicklungstendenzen angedeutet. Für einen deutschen Benutzer des Buches ist gewiß sehr willkommen nicht nur der Vergleich des Polnischen mit dem Deutschen, sondern auch die Hinweise auf Unterschiede und Sonderheiten, sowie auch eine ausführliche Erklärung und wörtliche Übersetzung überall dort, wo zu Unklarheiten kommen könnte. Darum bieten dem Leser auch die oft vorkommenden Sprichwörter oder Archaismen keine Schwierigkeiten. Eine Anzahl von Wörtern wurde aus älteren Wörterbüchern und Grammatiken übernommen; für den heutigen Benutzer wäre es vielleicht am Platz die dialektischen oder ausgesprochen archaischen Formen konsequenter zu bezeichnen. Im Übungsbuch würden wir zur